

Элчан-Кайя -3/ окончание

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Элчан-Кайя -3/ окончание XI.

В обед сидел Христо дома. Фира ему поставила на стол баклажаны. А Христо говорит:

– И что баклажаны – баклажаны! Вчера были баклажаны. Что у тебя каждый день понедельник? Поди купи полквартиры вина. Я тебе расскажу. Радость у нас.

И звякнул по столу рублем.

– Что, что? – кричит Фира, – говори, дорогой мой, хорошенький!

А Христо крикнул:

– Бре! Неси вина вперед.

Выпил Христо стакан. Фира против него сидит на табуретке. В глаза смотрит, трет коленки руками, ждет.

– Вот, – сказал Христо и поставил пустой стакан. – Вот прислал мне из Трапезунда дядя деньги.

– Ой, поставим плиту, Христо! – говорит Фира и к мужу придвинулась, – довольно мангал этот.

– Бре, – говорит Христо, – плита, плита! Плита – глупости. Я лошадь куплю. Дроги куплю. Бочку поставлю и буду воду возить людям. Хорошую воду. С горы воду: Темиз-су.

У Фиры слезы в глазах заблестели. Помолодела гречанка.

– А не лучше – рыбой торговать будем?

Христо замахал руками:

– А, скажет баба, что по горшку поленом! Рыбу постом кушают, а воду каждый день пьют.

Купил себе Христо клячу у цыгана, справил бочку на колесах. Два ведра сбоку повесил и лейку жестяную.

– Ну, – сказал Христо жене, – я с ночи буду выезжать и уж до свету буду с водой в городе. Еще никто мангал не разводил, а Христо уж будет по улицам в ведро колотить: вода темиз-су!

– Вот какой ты у меня! – говорит жена.

– Э! Бре! Грек не знает, как воду возить?

Ездил Христо в горы к источнику, набирал полбочки воды. А как

назад ехать, становился около клада и насыпал в воду золота. Уже все золото перевез Христо. На один раз только осталось.

XII.

Везет Христо в город бочку, тарахтят по мостовой колеса. Ведро звякают, танцует на боку лейка, бьется о бочку, а Христо изо всей силы колотит ведро и не слышно, как звенит в воде золото. Запоздал нынче Христо: дорогой шлея лопнула, завозился. Уж солнышко высоко, люди с базара идут, а он только в город въезжает. Мелкий дождик закапал, что слезы. Небо низкое, и скучно в улицах, как в сырой комнате.

Люди сгорбились и ходят как больные, укутанные.

Один Христо орет на всю улицу веселым голосом:

– Вода темиз-су! Кому воды?

И бьет в ведро, как цыган в бубен.

«Еще раз, и все золото дома», – думает Христо и заорал во всю глотку:

– Ой, кончаю, кончаю! Подходи, кончаю!

И вдруг видит: идет по панели старый еврей, по уши замотанный вязаным шарфом, и белым веником торчит из ворота борода. Оглянулся еврей на Христо и подошел не спеша.

– Ну, дай напиться, коли хороша вода.

«Принесло его, черта», – подумал Христо, остановил лошадь. А кляча тяжело дышит. По самые оглобли раздувает бока.

– Во что я тебе налью? – говорит Христо.

– Лей! – говорит старик и подставил горсть. Сам смотрит на Христо.

Хотел грек оттолкнуть еврея, оглянулся, уж люди смотрят: чего старик из бочки пить просит среди улицы в осенний дождь?

Дернул Христо чоб, и побежала вода на мостовую светлой дугой. Набрал еврей в горсть, отхлебнул.

– Спасибо, – говорит, – хороша вода, – и губами почмокал, – золотая эта вода! – и опять глянул на Христо.

Ударил Христо по кляче – поломал кнутовище.

– Зарезать черта паршивого, задушить надо гадюку, – сказал Христо.

XIII.

Пригнал бочку домой и до вечера стерег с крыльца воду с золотом. Все старый черт из головы нейдет. Убить такого – семь грехов простится. Сидит, старая рухлядь, днем в потемках, а ночь читает толстые книги по корявым буквам. А что там каракулями написано? Все там есть, говорят люди. Про все они, проклятые, знают!

XIV.

Выпил с досады две кварты крымского вина Христо и ночью погнал свою клячу на большую дорогу прямо к татарскому кладбищу. Луна уже поздняя была, и темно было дорогой. Грязь липкая клеит колеса.

Еле тянет в гору проклятая кляча.

– Рвань ты! Сатана! Анафема!

Вырвал Христо из плетня здоровый прут держи-дерева, руки об колючки изодрал, и стал колотить по лошади.

– Довези ты меня до дому и сдохни, панукла!

Возьмет свое грек. Пусть тут Чатырдаг на дороге станет.

Темно. Еле нашел место Христо. Стал копать, рвать землю. Швырял во все стороны.

– Дорвусь, – шепчет Христо, – возьму свое и пусть тут яма останется.

Пусть дураки думают, зачем яма копана.

Хорошо берет лопата, как бритва острая.

Христо стал лопатой нагребать скользкое золото прямо в бочку. Конец уже. Ковырнул впотьмах: и вот она рука, вот он кинжал.

– А, – сказал Христо, – ты что на меня кинжалом наставилась? Будет грек турецкого кинжала бояться!

Спрыгнул грек в яму, наступил коленом на руку и стал разжимать пальцы.

Крепко держит проклятая турецкая рука. Кольцо на руке царапается.

Христо губы прикусил от натуги, стал бить кулаком по мертвым пальцам.

Собака рядом возилась, лаяла во всю глотку. Уж все равно было

Христо.

Схватил он лопату и стал со всей силой сечь по проклятым пальцам. Как капусту в корыте толоч Христо и на куски, в кашу истолок руку.

Взял кинжал.

Отер о землю рукоятку и сунул за пояс, за спину. Потом плюнул в яму, нашвырял ногой земли и тронул домой.

– Моя взяла! – сказал Христо и пошел весело под гору.

Проходил мимо татарского кладбища. Маячат каменные чалмы впотьмах.

– Эй, вы, каменные башки! – крикнул Христо и стучал кнутовищем по чалмам, где мог достать.

Весело стало Христо. Сел на дроги, ударил по кляче и пустился вскачь под гору. Звенит сзади золото, как смеется.

Бре! Разве не вырвет грек у турка золото? И кинжал ихний заклятый заткнул грек за пояс.

Запрятал Христо золото в погреб и лег спать веселый.

А наутро жена сказала, что сдохла кляча.

– Тьфу! – сказал Христо, – туда ей и дорога. Перережь ей горло и продай татарам.

XV.

На берегу под обрывом стояла хата. В ней жил старый мастер Мустафа-Али-Оглу Измирдан. Перед домом стояла широкая турецкая фелюга: килем на чурбанах, кольями подперта. Мустафа жмурился на низком осеннем солнце, щурил глаз и смотрел на фелюгу.

У фелюги бок пробит, торчат дубовые ребра. Ободрала бок на камнях.

Теперь терпит, ждет. А Мустафа острой стамеской кромсает деревянные лохмотья.

Рыба в море не ждет. Надо к среде ребятам спихнуть фелюгу в воду.

Спешит Мустафа, упрел, стружки в бороде и красный фес на затылок съехал.

И вдруг из-за фелюги черный пес: выскочил, мохнатым хвостом машет, а за ним веселый грек Христо – крепкие усы, зубами

светит, стучит прутиком по фелюге.

– Э, здорово, Мустафа Измирдан! Зачем тебе это барахло? – и ткнул Христо больную фелюгу под брюхо. – Что ты, сапожник, что весь век латки ставишь?

Мустафа надвинул фес и посмотрел из-под руки:

– Здравствуй якши-адам, здорово, хороший человек. Что ты кричишь?

А Христо на месте не стоит, шуршит ногами в стружках.

– Такая мастеру работа нужна? – кричит. – Вот, я тебе работу дам!

– Идем в хату, – сказал Мустафа и пошел к двери.

– Вот, – говорит Христо, – сделай мне новую фелюгу. Сделай, чтоб крепкая была, как бочонок, плотная, как орешек. Кругом крытая, чтоб ни щелочки. Чтоб как утка на волне играла.

Мустафа сидит на полу у стены и глядит на Христо. А Христо подсел к нему на корточки и прямо в лицо ему кричит:

– Большие паруса поставим, чтоб летала фелюга. На триста пудов грузу надо. Дубовые ребра, дубовый водорез!

– А что делать будешь? – спросил мастер.

– Рыбу буду возить, камсу, селедку из Керчи. По триста пудов.

– Умное дело, – сказал старик.

– Триста рублей, твой лес, – сказал Христо и встал.

Долго старик смотрел в пол, потом вскочил как молодой.

– Идем, – говорит, – я тебе лес покажу. Демир! Железо, не дерево, – и взял Христо за рукав.

Ударили по рукам и оставил Христо мастеру сто рублей.

– Хорошо, – говорит старик, – найму людей, скоро сделаем. А работу мою все знают.

И построил Мустафа Измирдан фелюгу для Христо.

Скрипка – не фелюга: гнутая, стройная, натяни только струны – запоет.

XVI.

Прощается Христо с женой Фирой на пристани.

– Ну, довольно, – говорит, – я воду возил, пускай она меня повозит.

Пойду за рыбой в Керчь. Ты меня скоро не жди.

Поднял парус Христо, только оттолкнулся от берега – прыгнул с пристани Филос-пес.

– Тьфу на тебя, – сказал Христо.

Не вернулся: нехорошо, говорят, назад раньше времени поворачивать.

Долго Фира вслед смотрела: горят на солнце новые паруса. Режут ветер острым верхом. Вышла фелюга в море. Светит парус на зеленой воде.

– Как цветок в поле, – сказала Фира, вздохнула и пошла к дому.

До вечера шел Христо берегом. Вот уж два тополя прошел. Смотрит грек туда, где стояла каменная скала Элчан-Кайя: нет, нет корабля. Ходит зыбь над тем местом. Стал смотреть Христо в воду: нет, и в воде не видать каменных парусов.

– Пропал Элчан-Кайя, пропал со всеми турками. А кинжал ихний заклятый здесь за поясом.

И хлопнул Христо по боку, звякнул кинжал в новых ножнах, брякнул серебряными насечками.

– Теперь нечего мне бояться, – и повернул прямо в море.

А что, не знает грек, куда судно вести?

Хорош ветерок дует с берега, распустила широко паруса фелюга и как змейка так и слизывает с волны на волну.

Урчит вода за кормой. Христо стоит на палубе, сдвинул шапку набок и стукнул ногой в палубу.

– Эх, лечу, куда хочу, хочу в Трапезунд, хочу в Инэболи. Неси, посудина.

А Филос свернулся кольцом под мачтой и всякий раз подымал голову, как стукнет хозяин каблуком в звонкую палубу.

XVII.

На третий день открылся берег, переплыл Христо море.

Рассыпался по красному берегу белый город. Будто копья воткнуты, торчат острые минареты. Как хлеба горбушки, поднялись среди домов турецкие мечети.

А вон в порту паутиной стоят мачты. Туда и направил фелюгу Христо. Прямо в Трапезунд угодил грек.

Бре! Может это быть, чтоб заплутал грек в море?

– Ай, фелюга! – говорят в порту, – сама как змея, паруса как облако.

Толпится народ на пристани. Христо бросил канат, десять человек ловить кинулись. И скоро все узнали, что приехал грек с того берега, один с черной собакой.

Пошел Христо в город: бегают, суетится народ, ослы орут неистово, все кричат, суются, топчутся, как будто круглый день пожар в городе. Все греки – шумливый народ.

Одни турки в тени сидят. Кто кальяном дымит, а кто и соломку сосет – ждут судьбу.

Пробился Христо на базар и стал торговать шелковые платки – большие, вышитые, с золотом, с кисточками. Торговался, охрип. Вороха закупил Христо.

Наложил четыре бочки, забил наглухо и покатил на фелюгу.

«Провезу, – думает Христо, – тайком провезу. И продадут верные люди».

Не ждал Христо, сорвался ночью и побежал парусом домой. На пятую ночь прокрался к берегу. Тихая ночь стояла на море. Черная вода дышит – издалека идет усталая зыбь, с того берега. Свистнул Христо тихонько пять раз и подползла к нему шлюпка. Черные греки-дангалаки сидят. Чернее ночи. Перекатил им Христо четыре бочки, а они ему от себя рыбы насыпали полфелюги. Как серебра налили камсы-азовки.

– Ну, – говорит Христо, – завтра деньги приготовьте, разбойники.

– Хоть нынче ночью, господин, – шепчут дангалаки. – Верный твой товар.

– А кинжал мой вернее, – и вынул свой турецкий кинжал.

И вот горит мутным светом в темной ночи кинжал, змеится по воде серебряный блеск. Христо чуть его из рук не выпустил.

– Айя, метера! – говорят дангалаки. – На сейчас тебе деньги, – и стали разматывать пояса.

«Святое мое дело! – думает Христо. – Некого мне бояться, некого мне бояться», – и пошел к красному маяку.

XVIII.

Фира сидит на фелюге, торгует камсой, глупая баба.

– Не дорожись, – говорит Христо, – дорвалась дура до рыбы.

Хорош ветерок, дует прямо в море. И вот уже вечер ползет на землю.

Можно ли греку – а, дьяволос! – терпеть бабьи штуки?

«Слетаю еще, еще слетаю, – думает Христо. – Весь Трапезунд, всю Турцию привезу домой; со всех мечетей ковры сорву; набью денег полный дом и все куплю! Весь Крым, с Балаклавой и с Севастополем!»

– Скорей ты, баба, давай остатки даром!

И вот белая борода на пристани. Стоит старик и красными глазками хлопает. Стоит старый дьявол, что-то шепчет здоровому хохлу на ухо. Что-то вертит в костлявых пальцах. И показалось Христо, что щурится еврей на камсу, на фелюгу одним глазом.

«Не даст он мне жизни! – думает Христо. – Стал мне старый черт на дороге».

Что, грек не знает, как тарарам сделать?

– Что?! – орет Христо, – что ты говоришь?

А еврей не смотрит – шепчет хохлу в ухо.

– Что тебе, собачья душа, надо? – и зашагал Христо по доске на берег.

«Пхну в воду старого черта, – думает Христо, – за него ответа не будет.

Его ветром валит». И тискается Христо к еврею.

А старик держит в руке перстень, тычет на него хохлу пальцем. Горит как кровь на перстне красный камень.

– Ты что? – наступает на старика Христо: узнал Христо турецкий перстень.

– Колечко человек торгует, – шепчет еврей, пятится.

Толкнул его Христо, как бумажный опрокинулся старик, а кольцо упало в море. Бросились люди подымать старика.

– Что ты, сдурел? – кричат греку.

А Христо на фелюгу, тискается меж людей.

– Зачем не зарыл могилы? Бросил там руку! На мертвой руке это кольцо блестело!

– А, проклятое племя! Семя Иудино! – бормочет Христо.

– Да, – говорит сосед, – этот глянет – молоко киснет.

Рассердился Христо, выкинул камсу в море.

– Фира! Иди домой! – кричит. – Нечего тут бабам делать! Живо!

Фиру в спину толкнул. Завизжал Филос: ногой его в зад стал колотить Христо. Обрезал канат, обрезал якорь, и в море.

Один Христо в море, не взял и собаки, думает: зачем старик бросил в море перстень? Кто его там подымет!

– Э! Когда высохнет море, пускай берут свой перстень каменные турки!

Ничего не сделал ни кинжал, ни перстень – один Христо да лопата. Трелля!

Святое мое дело.

XIX.

Набрал Христо двенадцать бочек платков, ковров и целый бочонок масла розового.

«Отдам масло в собор, – думает Христо, – и буду святой человек».

Вот уж третья ночь. Низкое небо стояло и стал ветер. Повисли паруса.

Одно море кругом, и один Христо среди моря. И вот пошла зыбь с востока – видно, там работает ветер. Слепые зыбины ходят. Чуть по гребешкам всплескивают. И показалось греку, что ищет слепая зыбь фелюгу, щупает гребешками. Тронет фелюгу, обшарит, как слепой, и покатит дальше. Сидит Христо, руль держит, сжался, съежился, а фелюга болтает обвисшими парусами и нет ходу.

Огляделся Христо и никого не видать, только черно стало с востока. Идет ветер – левант. Двинул ветер в паруса, и понеслась фелюга, как с испугу.

Оскалилась зыбь, пошла белыми гребнями. Бьет в фелюгу, бросается в паруса.

«Нашла меня, нашла? – думает Христо. – Выноси, фелюга!»

А еще полморя впереди.

Темно стало, и рванул шторм от леванта. Сидит Христо, вцепился в руль и уж не уворачивается от зыби – неси, неси, фелюга! Увидать бы наутро свой берег. Воет ветер в снастях. Остановится черная зыбь над Христо, постоит и разорвется белым

гребнем, рухнет на палубу. Мокрый Христо сидит и уж не оглядывается на зыбь. Вдруг слышит сквозь вой, сквозь рев – шум идет от леванта: будто небо оборвалось и метет подолом по морю.

Повернулся грек, глянул тайком из-под козырька, и показалось, будто облако несется на него, сбоку, с леванта. Не мог глаз оторвать, держался за руль и не знал, куда свернуть. Ближе серое облако. Паруса! Обмер Христо – узнал паруса.

– Элчан-Кайя!

Элчан-Кайя идет на каменных парусах, уходят мачты в черное небо и белой пеной режет надвое море.

Вьется фелюга меж зыбей, но уж полнеба закрыл Элчан-Кайя, прямо на Христо идет.

Крикнуть не мог Христо и шепчет без звука:

– Аман! Аман!

И прошел каменный корабль по фелюге, а сам растаял в шторме, в черном небе.

Конец.

Борис ЖИТКОВ. Powestler